

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ 3-ТОМ НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Всеобщая воля Руссо. Атомизм
Гассенди

В прошлой лекции мы говорили о базовых идеях Томаса Гоббса, которые до сих пор лежат в основе международного права. Далее Кенни продолжает повествование рассказом о «Всеобщей воле», идее, которая принадлежит Жан-Жаку Руссо, о котором мы с вами уже говорили.

Когда Руссо начинает с того, что говорит: «Человек рождается свободным, и он повсюду в цепях», те, кто читал его ранние работы о разлагающем влиянии цивилизации, скорее всего, предположат, что цепи – это цепи социальных институтов, и что нас вот-вот побудят отвергнуть социальный порядок. Вместо этого нам говорят, что это священное право, которое лежит в основе всех других прав. Социальные институты, считает Руссо, освобождают, а не порабащают.

Как Гоббс и Локк, Руссо начинает с рассмотрения человеческих существ в естественном состоянии. Его рассказ о таком состоянии, в соответствии с его ранними мыслями о благородном дикаре, более оптимистичен, чем рассказ Гоббса. В естественном состоянии люди не обязательно враждебны друг другу. Конечно, они движимы любовью к себе, но любовь к себе – это не то же самое, что эгоизм. Она может сочетаться в людях и животных с сочувствием и состраданием к ближним. В естественном состоянии человек имеет только простые, животные желания. «Единственные блага, которые он признаёт в мире – это еда, женщины и сон. Единственное, чего он боится – это боль и голод». Эти желания не столь конкурентоспособны, как стремление к власти в более развитых обществах.

Руссо согласен с Гоббсом (против Локка), что в естественном состоянии нет никаких прав собственности и, следовательно, ни справедливости, ни несправедливости. Но по мере развития общества из его первобытного состояния начинает ощущаться отсутствие таких прав. Экономическое сотрудничество и технический прогресс обуславливают необходимость создания ассоциации по защите физических лиц и имущества. Как это можно сделать, позволяя каждому члену ассоциации оставаться таким же свободным, каким он был раньше? «Общественный договор» обеспечивает решение путем представления концепции всеобщей воли.

Всеобщая воля возникает, когда «каждый из нас объединяет свою личность и всю свою власть под высшим руководством общей воли, и в своем корпоративном качестве мы принимаем каждого члена как неделимую часть целого». Этот договор создаёт публичную личность, моральный и коллективный орган, государство или суверенный народ. Каждый человек является и гражданином, и субъектом. Как гражданин он разделяет суверенную власть, и как субъект обязан подчиняться законам государства.

Суверен Руссо, в отличие от суверена Гоббса, не существует независимо от договаривающихся граждан. Следовательно, он не может иметь никакого независимого от них интереса, он выражает общую волю и не может ошибиться в своём стремлении к общественному благу. Люди теряют свою естественную свободу, чтобы ухватиться за то, что их соблазняет, но они получают гражданскую свободу, которая позволяет им стабильно владеть собственностью.

Но что такое всеобщая воля и как ее можно установить? Это не то же самое, что единодушная воля граждан. Руссо проводит различие между «всеобщей волей» и «волей всех». Воля индивидуума может идти вразрез со всеобщей волей. «Часто существует значительная разница между волей всех и всеобщей волей. Последняя касается только общих интересов, первая – интересов, которые сами по себе являются личными, но суммой отдельных волеизъявлений». Можем ли мы сказать то, что всеобщая воля отождествляется с волей большинства граждан? Нет, обсуждения народной ассамблеи не являются непогрешимыми. Избиратели могут быть неосведомлёнными или подвержены индивидуальным корыстным интересам.

Это может означать, что даже всеобщая воля не подтверждается референдумом. Но Руссо считал, что плебисцит может быть определён при двух условиях. Во-первых, чтобы каждый избиратель был полностью информирован. Во-вторых, чтобы никакие два избирателя не имели никакой связи друг с другом. Второе условие создано ради того, чтобы не допустить формирования групп, меньших, чем всё сообщество. Руссо писал: «Очень важно, чтобы всеобщая воля могла выразить себя, чтобы в государстве не было отдельных обществ, и чтобы каждый гражданин не думал только о своих собственных мыслях». Таким образом, необходимо запретить не только политические партии, но и религиозные группы, для того чтобы всеобщая воля нашла своё выражение на референдуме. Только в контексте всего общества различия

между эгоизмом индивидов могут быть устранены и могут привести к эгоистичным интересам суверенного народа в целом.

Руссо не является приверженцем принципа разделения властей. Суверенитет народа, по его словам, неделим. Если разделить полномочия законодательной и исполнительной ветвей власти, то суверенитет станет химерическим. Однако практическое разделение ответственности вытекает из его требования о том, что суверенный народ должен принимать законы только по очень общим вопросам, оставляя исполнительную власть по конкретным вопросам в руках правительства, которое является посредником между субъектами и сувереном. Но правительство всегда должно действовать как делегат народа, и в идеале народное собрание должно собираться через регулярные промежутки времени, чтобы подтвердить Конституцию и продлить или прекратить мандат лиц, занимающих государственные должности.

Предложенный здесь Руссо тип соглашения представляется практически осуществимым только в швейцарском кантоне или таком городе-государстве, как Женева. Но он настаивал, как и Монтескье, что нельзя определить единую форму правления, соответствующую всем обстоятельствам. Однако в теории всеобщей воли поднимается вопрос о гораздо более широком применении. Гражданин государства, по Руссо, даёт свое согласие на все законы, в том числе те, которые принимаются вопреки его оппозиции. Тогда каковы в таком государстве права диссидентских меньшинств?

К лучшему или худшему, «Общественный договор» стал Библией революционеров. И не только во Франции. Влияние Руссо было огромным. Наполеон, никогда не страдавший недооценкой собственной важности, возлагал на Руссо равную с самим собой ответственность за гигантские перемены, которые претерпела Европа, когда XVIII век превратился в XIX. Перед лицом смерти Наполеон задался вопросом: «Кто может сказать, был бы мир лучше, если бы мы с Руссо никогда не жили?».

Такой цитатой об идеях Руссо Энтони Кенни завершает свой параграф о политической философии. Сегодня я хотел бы рассказать ещё об одном философе Нового времени, которому в книге Кенни уделяется достаточно внимания. Наш цикл лекций не буквально совпадает с учебником английского философа. И в разделе о физике он посвящает параграф «Атомизму» Пьера Гассенди.

Пьер Гассенди воспользовался слабым местом в «Размышлениях» Декарта. А именно там, где Декарт говорил, что существование есть совершенство. И Гассенди в своей пятой серии «Возражений» оппонирует ему. В философской системе, изложенной в его труде «*Syntagma philosophicum*», он говорит о том, что исследования привели его (как позднее Лейбница) к тому выводу, что мнения различных философов, считающиеся совершенно несходными, часто различаются только по форме. Чаще всего Гассенди склоняется на сторону Эпикура, расходясь с ним только в теологических вопросах.

Относительно возможности познать истину он держится середины между скептиками и догматиками. Посредством разума мы можем познать не только видимость, но и саму сущность вещей. Нельзя отрицать, однако, что есть тайны, недоступные человеческому уму. Гассенди подразделяет философию на физику, предмет которой – исследовать истинное значение вещей, и этику – науку быть счастливым и поступать согласно с добродетелью. Введением к ним служит логика, которая есть искусство правильно представлять (идея), правильно судить (предложение), правильно умозаключать (силлогизм) и правильно располагать выводы (метод).

Физика Гассенди стоит близко к динамистическому атомизму. Все явления природы совершаются в пространстве и времени. Это суть «вещи в своем роде», характеризующаяся отсутствием положительных атрибутов. Как пространство, так и время могут быть измерены только в связи с телами. Первое измеряется объёмом, второе – движением тел.

Материю Гассенди представляет состоящей из множества мельчайших компактных эластичных атомов, отделённых друг от друга пустым пространством, не заключающих в себе пустоты и потому неделимых физически, но измеримых. Число атомов и их форм конечно и постоянно (поэтому количество материи постоянно), но число форм меньше числа атомов. Гассенди не признаёт за атомами вторичных свойств – запаха, вкуса и других. Различие атомов (кроме формы) заключается в различии их главного свойства – веса или прирождённого

их стремления к движению. Группируясь, они образуют все тела вселенной и являются, следовательно, причиной не только качеств тел, но и их движения. Ими обуславливаются все силы природы. Так как атомы не рождаются и не исчезают, то и количество живой силы в природе остаётся неизменным. Когда тело в покое, сила не исчезает, а только пребывает связанной, а когда оно приходит в движение, сила не рождается, а только освобождается. Действия на расстоянии не существует. И если одно тело притягивает другое, не соприкасаясь с ним, то это можно объяснить так, что от первого исходят потоки атомов, которые соприкасаются с атомами второго. Это одинаково применимо к телам – одушевлённым и неодушевленным.

Все предметы обладают душой чувствующей и хотя бы смутно рассуждающей. Атомы вечны, поскольку вечна Вселенная, но они, как и Вселенная, сотворены Богом. По его же воле они сгруппировались в тело, ибо как из простого смешения букв не может возникнуть поэмы, так и из случайной группировки атомов не могли при сотворении мира произойти тела без содействия Бога. В этих последних положениях заключается отличие Гассенди от материалистов. Произвольное самозарождение даже в царстве минеральном Гассенди отрицает. «Всякое тело, не родившееся от себе подобного, обязано своим происхождением семени, предсуществовавшему с сотворения мира, семени, в котором оно заключалось потенциально, окружающие же условия способствовали его появлению».

Тело, душа чувствующая и душа разумная составляют единое не вследствие физического единства, но потому что они предназначены для взаимного дополнения. Чувствующая душа, область которой есть всё тело, воспринимает образы внешних предметов (с помощью органов чувств) и познает их посредством памяти (сравнения или суждения) и выводов (или рассуждения). Эти последние три деятельности Гассенди считает функциями воображения.

Душа разумная, или разум, присуща только человеку. В противоположность души чувствующей она пребывает только в мозгу. Посредством разума человек познаёт вещи, недоступные чувственному восприятию и воображению: понятие о Боге, самосознание и другие. Душа разумная нематериальна и, следовательно, вечна. Это её отличие от души чувствующей, но проявляться она может только по поводу данных этой последней. В этом заключается её связь с ней.

Врождённых идей нет. Идеи, кажущиеся врождёнными (например, идея причинности) – только вывод из повторяемости явлений. Инстинкт – результат привычки в наследственности. Единственное, что врождено нам – это любовь к самому себе. Из неё вытекает стремление к приятному и старание избежать неприятного, или хотение (*appetitus*). Хотение не проявляется без содействия воображения и разума. Если оно основывается только на данных воображения, это хотение неразумное, или страсть. Хотение, вытекающее из данных разума, есть воля. Воля всегда сопровождается действием. Действия наши свободны, но свободу их надо искать не в воле, а в разуме. Нам свойственно поступать на основании мотивов, которые нам представляет разум. Разум склонен любить истину, но для того, чтобы найти её, он должен сосредоточивать своё внимание, не поддаваясь хотению. В этом и заключается свобода. Как согласовать эту свободу с божественным провидением? Это неразрешимая тайна, как для Пьера Гассенди, так и для нас. Я заканчиваю сегодняшнюю лекцию, предоставляя раскрывать эту тайну вам.